

Среди книг

с Владимиром Новиковым

Офранцуженный Высоцкий

[273]

ИЛ 7/2018

Ив Готье *Владимир Высоцкий: крик в русском небе* / Перевод с французского Елены Клоковой. — М.: Центр книги Рудомино, 2018. — 240 с.

Можно сказать, что между Высоцким и Францией был долгий роман. Из всех иностранных языков поэт владел только французским: говорил и даже пел некоторые свои песни в переводе. Франция была для него, как и для многих его соотечественников, символом западной жизни и культуры. “Она была в Париже” — и этим все сказано. Полушутливая песня с таким рефреном была сложена еще до встречи с Мариной Влади и задолго до первого приезда поэта в желанную и волшебную страну.

Франция дала Высоцкому многое. Здесь вышли его большие виниловые диски, которые были мечтой для миллионов соотечественников, но доставались только тем номенклатурным начальникам, которые запрещали Высоцкому выступать и печататься в СССР. Здесь он играл Гамлета на гастролях Театра на Таганке. Здесь он выступал с сольными концертами в театре “Элизе” на Монмартре — на родине подобное было заведомо невозможно.

Франция помнит о Высоцком поныне, чему свидетельство — книга Ива Готье, вышедшая сначала по-французски в парижском издательстве “Transboréal”, а затем в переводе на русский язык, выполненном

Еленой Клоковой, в московском “Центре книги Рудомино”. Во французском издании обширные цитаты из Высоцкого (а то и полные тексты песен) переведены самим Ивом Готье, а в русском переводе они, естественно, даются в оригинале. Не видел парижского издания, но рискну предположить, что переводы там адекватные. Во-первых, потому что Ив Готье учился у самого Ефима Григорьевича Эткинды — гроссмейстера литературного перевода. Во-вторых, книга повсеместно обнаруживает глубокое понимание автором самого духа поэзии Высоцкого.

Свое обращение к русскому читателю Ив Готье начинает цитатой, прямо скажем страшноватой и шокирующей: “В свое время Флобер жаловался Тургеневу: ‘До чего же он зурядный, этот ваш Пушкин!’”. И тут же поясняет: Пушкин оказался не понят творцом “Мадам Бовари”, поскольку не был в достаточной мере “офранцужен”. И речь здесь не только о трудностях перевода в лингвистическом смысле. Речь о переводе с одного менталитета на другой. Мне самому не раз доводилось рассказывать о Высоцком “с нуля”, по-английски, зарубежной аудитории, которая о нем слышит впервые. Здесь

очень важно найти эффективный алгоритм: с чего начать, как продолжить...

Ив Готье начинает с подробного рассказа о ранних годах жизни героя, вдохновенно интерпретируя написанную в 1975 году “Балладу о детстве”. Детство — феномен общечеловеческий, здесь можно нащупать ту общую почву, которая даст контакт с читателем. Затем идет разговор о работе Высоцкого в кинематографе с убедительным выводом: “Большой артист умеет оставаться собой и быть одновременно другим человеком”. Так же коротко и стремительно — о театре в жизни Высоцкого. После такой подготовки можно перейти и к разговору о Высоцком-поэте, в контекст которого органично вписываются и обширная российская география выступлений Высоцкого, и тема любви, и рассказ о зарубежных странствиях поэта, после того как в 1973 году для него открылось “окно на Запад”. Ив Готье предпочитает линейно-хронологическому повествованию композицию расширяющейся картины.

А читательское внимание удерживается благодаря авторскому темпераменту, эмоциональному напору. Ив Готье постоянно держит в уме (и в душе) художественный мир Высоцкого как *целое*: о любой песне, о любом биографическом эпизоде рассказывается с учетом той индивидуальной и универсальной картины жизни, что создана поэтом. Ведь в чем неисчерпанная драма Высоцкого? Он работал широко, адресуясь к самой широкой аудитории и говорил шутя: “чтобы каждому досталось по куску” (“каждой коло-

кольне свой Высоцкий” — такой метафорический эквивалент дает Ив Готье). Действительно досталось, и какие-то песни, строфы и строки Высоцкого знает в России буквально каждый. Но беда, когда по “кускам”, по осколкам люди (порой авторитетные) берутся судить о целом. И тут очень важна просветительская работа — и в России, и за ее пределами.

Ив Готье вступает в спор (корректный и уважительный) с теми носителями “антисоветского менталитета”, которые считали политическую позицию Высоцкого недостаточно радикальной, выдвигая весьма убедительные аргументы: “Он прекрасно знал, что любая из ‘серьезных’ песен может стоить ему лет этак восемь тюрьмы, но писал, но пел. И это было больше, чем диссидентство”. Здесь цитируется (с необходимой оговоркой, что это взято из воспоминаний одного эссеиста-монархиста) суждение А. И. Солженицына “Безусловно, это талант, но, к сожалению, он не дал того, что должен был дать” и еще более решительная реплика Н. Д. Солженицыной: “...Он всем нутром своим был против этой власти, но он сделал много зла тем, что тематика в очень большом проценте была блатная или приблатненная. Он страшно действовал на молодежь. <...> Эту молодежь он мог бы повести в совершенно другом направлении”. (Легко заметить, что такие высказывания основываются на фрагментарном, неполном, знании наследия Высоцкого, здесь явно преувеличен процент “приблатненности”, которая к тому же, как теперь поняли, кажется,

все, носит небуквальный, стилизационный характер.)

“В словах четы Солженицыных заметны сдержанность и раздражение, зачастую присущие людям, порвавшим с советской системой”, — мудро резюмирует Ив Готье. А его формула “больше, чем диссидентство” — своеобразный ключ к пониманию Высоцкого. Ключ, вручаемый тем новым читателям, для которых оппозиция “советское — антисоветское” уже не столь значима.

Ив Готье рассказывает о Высоцком увлеченно и страстно. Порой пристрастно, словно усвоив, помимо славной русской литературной традиции, еще и нашу отечественную традицию мифотворчества и конфликтности. На мой взгляд, он слишком доверчиво воспринял версию Павла Леонидова о якобы имевшей место встрече Высоцкого с Ахматовой.

Проводя очень нужную параллель между Высоцким и Галичем и высказывая верные мысли о их творческом несходстве, Ив Готье сочувственно цитирует запальчивую оценку одного высококоведа: “Галич был заряжен ненавистью”. Несправедливо. Да и стоит ли из любви к Высоцкому принижать барда-современника и тем самым разрушать общий контекст авторской песни? Не украшают книгу и не очень оригинальные нападки на Музей Высоцкого, возглавляемый сыном поэта Никитой.

Впрочем, книга о Высоцком не может не быть полемичной, так сказать, по определению. Автор находит духовного союзника в Дмитрие Быкове, полностью цитируя его стихотвор-

ный памфлет и особенно акцентируя строки: “Не раем был СССР. / Но в нем возможен был Высоцкий”. По-моему, такая логика, увы, чревата оправданием того Левиафана, в непримиримом конфликте с которым выстраивал Высоцкий свой мир — сложный многогранный, несводимый к голому отрицанию, но изначально свободный от советской лжи. “Мы не ушли бы далеко / От прежней Родины единой”, — такая быковская ностальгия все-таки не в духе Высоцкого.

К счастью, Ив Готье склонен смотреть не в прошлое, а в будущее. Очень симпатичен его спор со “злым иконоборцем” Эдуардом Лимоновым: “Эпоха Высоцкого прошла? Молодым нет до него дела? Услышав эти высказывания, я озверел, мне захотелось расколошматить приемник, но я не молодой русский, и со временем у меня появилось другое жгучее желание — проверить”. Выбрав одну из школ Ростова-на-Дону, Ив Готье проводит опрос, после которого с материалами в руках доказывает: школьники достаточно знают о Высоцком, понимают его, ценят в нем прежде всего поэта. Это дает автору основания для простого и неотразимого вывода: “Россия по нему сучает”.

А нынешние школьники, думается, могут стать реальными читателями русского перевода книги Ива Готье. Книги живой, темпераментной, проникнутой огромной любовью к нашему легендарному поэту и приглашающей “спуститься в кратер его взрывного, вулканического творчества”.